

УДК 398.3
ББК 82.3(2=411.2)

Молитва в брошенном доме: новые апотропеические практики?

Андрей Борисович Мороз

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия)

Профессор, доктор филологических наук
ORCID: 0000-0002-5164-8080
Департамент истории и теории литературы НИУ ВШЭ, Россия,
101000, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4,
Институт филологии и истории РГГУ, 125993, ГСП-3,
Москва, Миусская площадь, д. 6,
E-mail: abmoroz@yandex.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.15

Аннотация: В статье изложены наблюдения автора относительно малоизвестной практики ритуально-магической защиты дома, из которого выехали хозяева, от нежелательных посетителей, воров, пожара и т.п. В жилой части дома, в середине, при переходе из одной комнаты в другую, оставляют списки молитв или текстов других жанров, соотносимых с молитвами, по-видимому, от воров. Эти списки кладутся на открытое место на оставленную в доме мебель, например, на стол или шкаф-заборку, и, предположительно, должны броситься в глаза нежданным посетителям. Речь идет не о специальной молитве, но о любом молитвенном тексте любого происхождения (книжного или фольклорного), а также вообще не о молитвах, а, скажем, о заговорах, которые в фольклорной жанровой номенклатуре также именуется молитвами и не всегда от молитв отграничиваются. Подобное наблюдение сделано в ходе осмотра ряда брошенных домов, а также в ситуации, когда информант показывал заброшенную деревню и комментировал увиденное. Описанный способ защиты соотносим с другим – когда в незаметном и неизвестном посторонним месте прячется заговор от воров в надежде, что оставленный без присмотра дом не будет обворован или ограблен. Практика возникает в последнее время в связи с последствиями миграции сельского населения в города, когда деревенские дома оставляют пустыми.

Ключевые слова: *Молитва, заговор, оберег, дом, магические практики, социальные процессы в селе*

Поводом для написания этой статьи послужили три случая, произошедшие с промежутками в один год в разных регионах и поначалу показавшиеся автору случайностью. Между тем дальнейшие наблюдения и сопоставления фактов привели к заключению о закономерности явления, представленного этими тремя ситуациями, и необходимости поиска новых подтверждений сделанным наблюдениям. Для начала опишем упомянутые ситуации.

1. Летом 2015 г. фольклорная экспедиция РГГУ работала в с. Долматово Вельского р-на Архангельской обл. Один из информантов – С.В. Лопаткин¹, 1951 г.р., вызвался отвезти трех участников экспедиции, среди которых был и автор, в свою родную деревню Заполье, входящую в куст деревень Тимоневка, расположенную в 17 км от Долматова. По дороге ЛСВ начал рассказывать, как несколько лет назад его родная деревня – дома в ней еще стояли, но постоянно уже никто не жил, разве что «дачники» приезжали на лето – выгорела почти вся из-за того, что молодежь по соседству жарила шашлык на майские праздники и по неосторожности подпала прошегоднюю сухую траву. Огонь пошел прямо на деревню, в которой в этот момент никого не было. В итоге сгорели все дома, кроме двух крайних. У предпоследнего дома пламя повернуло в сторону и ушло в направлении кладбища, примерно в километре от деревни. ЛСВ показал нам оставшиеся два дома: родительский, с краю деревни, и соседа – пожилого человека, живущего в Архангельске и уже много лет не приезжающего на родину даже летом. Именно перед домом этого соседа пламя ушло вбок. По словам ЛСВ, узнав о пожаре, он сразу отправился посмотреть, что стало с домом его родителей, а когда увидел следы огня, повернувшего под почти прямым углом и не тронувшего две избы, ЛСВ, по его словам, задался вопросом о причине и решил посмотреть, что случилось с соседним домом и что в нем есть такого, что могло бы отвернуть огонь.

В этом доме ещё... какой бардак уже. Потому шо я знаю, шо там уже кому не лень заходят, отдыхают, пьют и... в этом плане. Захожу, и на буфете – я покажу – и на буфете лежит в трёх страницах писано шариковой ручкой... какая-то, знаете, как выразиться-то... молитва. Написа-

---

¹ Далее ЛСВ.

но: в этом... если в этом доме лежи... буѣт лежать вот это там... ну, как-то на[д]ѣ прочитать, оно у меня находится, эта руко... Если есть желание вот так сфотографировать, перепечатать... <Соб.: Да, есть.> Даже вот написано в ней... в этом, на этих страницах: «Малому ребёнку положить под подушку, и все его... недуги и болячки уйдут». И дом: что вот если это письмо... ну, не письмом оно там так-то пишется как-то иначе пишется-то – не письмом – что где оно бы не буѣт находиться, его не возьмѣт ни огонь, ни гром, ни молния. <Этот пожар потому и ушел?> Да. Видимо, вот и обнесло этот дом. И вот я после этого [пожара] спустя, я не знаю, года два или три пошѣл так проведать в дому-то, хоть думаю, что там ещѣ, текѣт – не текѣт крыша и всё подобное. Захожу – и в буфет... это... она называла... раньше «горница» называлась – где спальня – горницей называлась. И смотрю: на буфете, на старом буфете, прямо на углу. Хотя и народу уже бывало в этом доме, и никто не растопил вот этой, гърится, молитвой, этима листами. Я даже... я сразу, кода взял, позвонил жителям, родственникам [хозяина дома], они гърят: «Мы такого письма не находили в нашем доме». Я им росказал содержание... <Это в прошлом году горело?> Не, это горело – уже прошло лет пять, наверно. <Вы сказали, что огонь на кладбище ушел?> Деревня кода горела, молодѣжь отдыхали, на девято мая или на перво мая приежжяли отдыхали, вылетела искра с мангала, и в результате суха трава, как порох, распространилась на ветру, деревня сгорела, и вот подошла к этому дому, в котором как раз вот эта молитва была. И благодаря этой молитве... <...> благодаря этой молитве, видимо, отвело. <На кладбище?> Да, да, вот, мимо дома прошло и чрез ручей и на кладбище ушло. <Трава горела?> Да. <И кладбище погорело?> И на кладбище, да, хотя народ был поставлен, шоб отстаивать – мало ли чего. Проскочило <...> <Проезжаем мимо кладбища. Вопрос: на это кладбище пожар ушел?> Да-да-да, вот так, от того дома миновало и вот так. Вот, видите: обгорели сосны. <...> Вот, благодаря вот этой молитве, по-мойму, получилось. <Она у вас дома хранится?> Да. <Соб.: Зайдем посмотреть молитву.> (АЛФ; Долматово, вельск.).

По возвращении в Долматово выяснилось, что ЛСВ не может показать нам список. Он объяснил, что жена не хочет никому показывать молитву и потому настаивает, что рукописи дома нет. Обещал поискать, но на следующий день сказал, что не искал. Так продолжалось несколько дней, в итоге нам так и не удалось увидеть упоминаемые листки.

Тем не менее, с большой степенью вероятности можно предположить, что речь идет об апокрифической молитве-обереге «Сон Бого-

родицы» [Веселовский 1876]. На это указывают слова информанта, когда он пытается вспомнить содержание листков: «Даже вот написано в ней... в этом, на этих страницах: “Малому ребёнку положить под подушку, и все его... недуги и болячки уйдут”. И дом: что вот эсли это письмо... ну, не письмом оно там так-то пишется как-то иначе пишется-то – не письмом – что где оно бы не буёт находиться, его не возьмёт ни огонь, ни гром, ни молния». Структура «Сна Богородицы» такова: сначала описывается диалог Богородицы и Христа, в котором Богородица рассказывает свой сон, в котором Христа распинают, а Христос успокаивает Мать, говоря, что хотя сон ее истинен, но за распятием последует воскресение. Затем в финальной части содержится описание благ, которые приносит «Сон...» тем, кто его держит в доме, читает каждый день или распространяет. Все эти блага можно обобщенно описать как защиту от внезапных несчастий и отпущение грехов [Там же, 344]. В многообразных версиях «Сна...» набор благ заметно варьируется, но это указание всегда вводится словами: «Кто этот сон читает...», «Кто этот сон при себе держит...», «Кто этот сон в дому держит...» и т.п. Приведем один такой текст из того же с. Долматово, где живет ЛСВ, но полученный от другой информантки. Молитва записана на листе из школьной тетрадки в клетку:

Сон Богородицы.

Матушка, Пресвятая Богородице, Иде спала, иде почивала?

Я спала, я почивала в темных лесах, во крутых горах, во пещерах. Видела сон блаже про своего детище, про Христа Небесного. Быть Христу битому, быть рубитому, быть спойман (м) [sic], быть распятому на святом дереве Купарисе. На головушке венчик двенадцать пудов. Будут тростию пробивать железно двенадцать норей [sic]. Изо всех из норей, из костей, из можей [sic], из святого тела будет руда течь ручьём. Кто эту молитву знает, рано поздно прочитает, Я ту душу // прошу, во ад не пушу, в пути сохраню, от грому от молнии, от водяной погопи, от огняной обжоги, от зверя, от лихого змея, от худого человека, от скоропостижной смерти

Аминь! (АЛФ; с. Долматово, вельск. МВА).

Судя по всему, ЛСВ видел и цитировал не идентичный текст, однако бытование «Сна Богородицы» настолько широко и активно, что в границах одного села часто фиксируются не только несколько разных версий, но и «Сны...» разной прагматики [Клюйкова 2014].

Когда мы, наконец, доехали до д. Заполье, ЛСВ предложил нам заглянуть не только в свой дом, но и в соседний, в котором им была обнаружена молитва. Он не был заперт, части стекол в окнах не было, внутри наблюдались беспорядок и запустение – такие, как будто жители собрали все необходимое, что можно было увезти, и не рассчитывали вернуться в обозримом будущем. И все же, казалось, хозяева не воспринимали оставляемый дом как совсем ненужную и как бы выбрасываемую собственность: осталась кое-какая мебель и домашняя утварь. Впрочем, беспорядок можно объяснить и вероятными визитами туда ищущей уединения молодежи или любителей «старины». ЛСВ указал место, где он обнаружил «Сон Богородицы» – это шкаф, буфет, стоящий поперек комнаты, напротив печи, перегораживающий эту комнату пополам и как бы разделяющий ее на две части: ближнюю к выходу из избы в сени – тут обычно устраивается кухня – и дальнюю, жилую. Нижняя, закрытая филенчатыми дверцами часть шкафа глубже верхней, так что по всей ширине его на уровне живота стоящего рядом с ним человека есть подобие узкого стола. Тут, по словам ЛСВ, и лежал список «Сна...». Рядом со шкафом, на лавке, стоящей вдоль стены в ближней к входу части избы мы заметили еще два сложенных листа пожелтевшей бумаги, исписанных шариковой ручкой. На обоих оказался написан один и тот же текст:

Молитва Святителю
Николаю Чудотворцу

Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов миру всему източает, многоценное милости мира и неизчерпаемое чудес море Восхваляю тя любовию Святителе Николае, ты же яко имени дерзновение ко господу, Освободи мя от всяких бед, да зову же: радуйся Великий отче Николае. О пресвятыи и пречудный Святителе Николае чудотворче, Утешение всех скорбящих нынешнее наше прими приношение, и от ~~н~~~~нны~~ геенны избавитися нам господа умом Богоприятным твоим ходатайством да стобою воспеваем

Алилуя, алилуя, алилуя.

Буаи [sic] Господи Милостив твоя на нас яко-же уповаем на тя.

Молитва
Ко Пресвятой Госпоже
Богородице

Пресвятая моя Владычица. Богородица всесильными, Святыми твоими мольбами, ————— [прочерк, вероятно, на месте непонятого

слова] от меня рабы твоей божей Александре уныние, забвение, не радение, неразумение, и вся скверная, лукавая, хульная, // помышлени от окаяного моего сердца, и помраченного ума моего, и погаси пламень страстей души моей и избавь мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий и отвсех действий злых свободи мя яко преблагословенна и от всех родов славишься великолепное имя тве вовеки веков Аминь

Святителе Николае Чудотворче Спаси, сохрани и помилуй рабу Божию Александру на сегодняшний день и ноч. и избавь мя от все бед, зол и не счастлих

слава отцу и сыну и святому духу и ныне и присно и вовеки веков Аминь

Спаси Господи люди твоя и благослови достояние тве (АЛФ, Долматово, вельск.)

Тексты 1-го и 13-го кондаков акафиста Николаю Чудотворцу и каноническая молитва Пресвятой Богородице, судя по характеру ошибок прочтения, переписаны с другого рукописного источника (например, отчетливо написанное «буай» вместо «буди» возможно только при переписывании, когда в рукописи-образце не была заметна петля под буквой «д») и, очевидно, оставлены намеренно. Во всяком случае, листы лежали на виду, открыто, отдельно, на лавке в центральной части избы.

2. Через год, в июле 2016 г., фольклорная экспедиция НИУ ВШЭ работала в Злынковском р-не Брянской обл. Злынковский р-н входит в территорию, пострадавшую от чернобыльской аварии, поэтому местные жители до недавнего времени имели право *сдавать* свои дома, то есть продавать их государству, получая деньги на покупку жилья в другом, чистом от радиации населенном пункте, и активно пользовались этим правом. Так что деревни, особенно небольшие, в этом районе стоят полностью или частично пустые. При этом сданные дома довольно быстро опустошаются местными, не уехавшими жителями: почти у всех снята кровля, разобраны печи, пол, потолок.

Наша информантка в д. Шурубовка в ходе интервью сказала, что в одном из соседних пустующих домов лежит написанная на листке молитва, и вызвалась нам ее показать. Небольшая хата, состоявшая из двух помещений (кухни, расположенной ближе к входу, и комна-

ты, в которую можно было попасть через кухню), была совершенно пуста: ни мебели, ни пола, печь наполовину развалилась, стекол в окнах нет. Тем не менее, в углу кухни остался приделанный к двум стенам – внешней и перегородке между кухней и комнатой – треугольный столик. Такого же типа столики обычно стоят у *куту* – в красном углу, под иконами; на них держат небольшие иконы, свечи, книги и т.п. В этом доме в комнате *кута* не было – видимо, он был разобран и увезен, столик же в кухне, можно предположить, тоже использовался для икон. На нем лежал развернутый небольшой вырванный из блокнота листок с таким текстом: «Исус Христос спустился с небес Огради меня господи от человека идучего от зверя бегучего от гада ползучего сохрани и помилуй меня» (ФАВШЭ, Шурубовка, злынк. <https://linghub.ru/folklore/text/2466>). Текст представляет собой редуцированную версию вербального оберега, построенного на мотиве огораживания [Левкиевская 2004, 28–31] и бытующего как самостоятельно, так и в составе более объемных оберегов. Ср., например, такой вариант, помещенный составителями в раздел «От сглаза»: «Спаси, Господи, помилуй от мужика-колдуна, от бабы, от девки-простоволоски, от гада ползучего, от зверя бегучего, от воды текучей, от огня-пламеня, от скорбей и болезней, от опасной смерти. Кто эту молитву знает, три раза прочитает, тот спасен, охранен. Помилуй нас» [Русские заговоры 1998, № 2189].

Повторим: из дома было вынесено абсолютно все, что представляло какую-либо ценность, вплоть до досок пола, список заговора-молитвы был едва ли не единственным предметом, оставленным в доме, – в его середине и на виду. Никто из местных жителей его не взял, хотя в доме явно бывали и о существовании списка были осведомлены.

3. В июле 2017 г. в Каргопольском р-не Архангельской обл. несколькими участниками экспедиции РГГУ целенаправленно, в поисках аналогий двум вышеописанным случаям, было обследовано несколько брошенных домов в с. Малая Шалга. Село полностью оставлено жителями, в кусте из нескольких деревень нам удалось увидеть только один жилой дом; для обследования мы выбирали те дома, которые стояли открытыми, без окон, с разрушенной кровлей, полуобрушенные, то есть не имеющие никаких признаков того, что в течение последних лет 5–10 в них появлялись хозяева. Следы

посетителей, между тем, там были видны: относительно недавно оставленные водочные бутылки, вываленное на пол содержимое шкафов и т.п. Тем не менее, в одном из таких домов нам на глаза попались три листа из школьной тетрадки в линейку, исписанные простым карандашом и сшитые вместе черной ниткой наподобие брошюры. Листы лежали в точности в том же самом месте, где и «Сон Богородицы» в Вельском р-не: на выступе нижней части шкафа, разделяющего внутреннее пространство избы на две половины. На листах написан следующий текст:

Отпуск Коров[и]й

Воимя Оца и Сына И Сватаго духа Аминь. Я Рабь Божий пастух И[мя].Ф[амилия].О[тчество]. Стану я Благословес пойду Перекрестес Изызбы дверями из двора воротами выид[у] вчисто поле. встану на опушку Леса На землю вкруг телом. На забат гырбом на восток личом.

Предсамим богом Предсвятой Богородицей И Предсвятым и Сусом Христом перодматерю Святой Богородиц[е]й передего Священным Ангелом[м] Петром и Палом. Перед Михаилом Архангелом И Пророком пред[те]чем.

Грегорем Победоносцем. Иваном Преподобным и учиником Васильем Покресенским и Своим Мочким [мучеником?] Провилом [праведным?] Хролом и Лавром. И Тихоном За донским. и Новгородским Николаем С Толбинским.

Пред святой Силой Небесной С умолением препадаю всей душой прошу Молю всу силу небесную // Благослови на лето красное препроводи мою скотинушку пастись. от сего дня и На лето Красное АМИНЬ. Пасти Коров и быков Нетелей и Телок, Кладеных и Не кладеных. Купленых и ~~Домашних~~ [последнее слово зачеркнуто]. Доморошенных. Черных и белых Красных и чалых. бурых и рыжих. Чубарых и пегих. Голубых и Белых. и всякой Разной Шерсти Коровушоко [sic] Спаси господи и Сохрани От всякого зверя от Широколапого Медведя и Медведицы от переходящего волка и волчицы От Детеи Ихних от рыся и Росомахи. от язве. и змеи, от Колдуна и Колдуние От всягого Лихого человеку Загради господи Каменной стеной Втри Сажени толщени втри Детьь саже Вышени вокруг Моего Коровега Стада выше упомянутыя зверей век на веки А.М.Н. Еще прошу и молю Господа Бога // Обнести Железной Стеной от земли и Донеба. От востока и Запада от Юга иссевера вокруг Моего Коров[ь]я [последнее слово написано поверх другого, нечитаемого] Стада от упоминающих. зверей Еще прошу и Молю господа бога. Проведи Реку Огненную От востока и Дозапада. От Юга и Досевера вокруг Моего Коровьего Стада. от упоминающих Зверей

Век повеки А.М.Н. Моим Слова[м]

Пошли Господи Своих Апостолов Петра и Павла Сего Золотыме Ключо[чами] Выше упомянующе Стену За Перать и Замкнут. от упомянующих Зверей Ключи отведи Симону Господи. Богу САСИОСУ. На престол Подего Золотую Ризу. Его Золоты Ключи. Не кто невидит и табы не видил зверей Моего Коровета Стада.

Век по веки А.М.Н. //

Восвятом Граде Капер. Лежит: Тит Камен Как Крепок Поверд Так укрепил Господи Мой Божественый[й] отходы вокруг Моего Коровета Стада Твоим господи Словами твоей Десницей и Жывих и от ворящем Крестом. Загради Господи Мое Коровето Стадо. Выше Отопумянующих Зверей подите в выше упомянующей звери За главное Море Окиан Надите болото где Человек Не обежай[т] и птица нелетает. Петаитес Темажо Зверьяме Заищеме илисичеми вмоем стаде нет вам некои пише век по веки А.М.Н.

Пастис Моим Коровушкам полиса[м] и по гора[м] помхам Болота[м] по синим покосами по всем градам. пасис мое любимое стадо выше упомянующа зверей пропадате Вкамнях приболотах. Колобен [?] Прериках и озере во-д-е-и Прелесных покосах. век веки АМН. Как стекаючи реки и Мегкие Источники вглавное Море Оеия[н]. так стекаися и собер[айся] Мое любимое стадо водно Месте соберися друг вдруга Неоставая ткаждной ночи домой преходика Ксвоим оворам [заворам²] и хозявам как собираются право Славные християне тколокольно козвону копению черковному и как птечки вгнездышко слетаются и муравьи водно место собираются вмуравельник. так стекается и собирается мое любимое корове стадо, водно. Соберся и одруго не остается Ксвоим дворам и хозяюшкам соберся // Как Рададча [?] и пладеча так Родитес и плодится Моему родимого стаду и повенича [повинуется?] трубе или рогу моему или голосу моему по венусия век повеки АМН,

Конеч (АЛФ, Малая Шалга, каргоп.).

Текст представляет собой вариант крайне распространенного на Русском Севере заговора, который пастух читает в день первого выгона скота на пастбище. Заговор, как и в целом обряд, в ходе которого он читается, называется *отпуск*, *сгон*, *слука*, *обход* и др. и исполнялся с целью уберечь скот, который пасли в лесах, от хищников и от опасности потеряться. По большей части эти заговоры распространялись письменно и читались во время выгона по спискам. Наиболее ранняя фиксация такого типа заговоров относится к середине

² *Завор* – проход в ограде представляющий собой несколько горизонтально положенных жердей, которые при необходимости снимаются (*раскладываются*).

XVII в. в составе Олонецкого сборника [Русские заговоры 2010, 114–116, № 56–58]. С тех пор *обходы* фиксируются достаточно регулярно, вплоть до наших дней, а традиция пасти скот с использованием таких заговоров была жива практически до развала колхозов на Севере России в 1990-х гг. Так, в 2018 г. во время работы экспедиции РГГУ в с. Пезма Вельского р-на Архангельской обл., Н.Б. Павловский (1952 г.р., бывший пастух) передал участникам экспедиции два списка своих *обходов*, использовавшихся им еще в середине 1990-х гг. Не будем описывать здесь всего комплекса верований и ритуальных действий, запретов и предписаний, связанных с этим жанром – на эту тему существует большая литература [Гуляева 1986, Дурасов 1989, Криничная 1986, Мороз 2001 и др.]. Отметим только, что список *обхода* после совершения обряда пастух должен был хранить в тайном месте, где его никто не мог бы увидеть: в дупле дерева в лесу, в бутылке, опущенной в воду (это должно было способствовать еще и увеличению надоев), в тайном месте в доме. Так, В.И. Вершинин, бывший пастух в с. Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл. рассказал нам, что он во время пастьбы хранил *отпуск* у себя дома над дверью, ведущей из жилого помещения в сени, заткнув свернутый лист бумаги за облицовку дверного косяка.

Между тем традиция начала угасать в связи с постепенным отказом от пастьбы в лесах, а затем – в связи с сокращением поголовья скота в селах, в том числе у частных, когда немногих оставшихся животных стали пасти непосредственно в деревне или поблизости и присматривали за ними по очереди сами хозяева. При этом сохранившиеся списки *обходов* отнюдь не всегда оказываются ненужными и сжигаются, выбрасываются или – при удачном стечении обстоятельств – попадают в руки фольклористов. Нам неоднократно приходилось сталкиваться с ситуацией, когда такие листочки используются как молитва, то есть их читают без особого повода – как ежедневные молитвы – или даже не читают, но держат в доме, на божнице, то есть в красном углу, за иконами или в каком-то ином сокровенном месте в качестве оберега. Так, в 2002 г. информантка предоставила участникам экспедиции список *отпуска* для копирования, рассказав при этом, что он принадлежал ее мужу, который скота не пас: «Я своему-то дедку и гоўрю: “Дедко, тебе на что, ведь ты в пастухи-то не пойдёшь?” – “А просто пусть, – гьт, – у меня си-

дит». Я читывала, но потом... Там много таково, небылиц дак. [Чего там много?] [...] Небылиц. <Соб. просят дать тетрадь на время, чтобы перефотографировать, ЕЛМ отдает, но настаивает, чтобы вернули:> Но всё-таки для... пользования я иногда прочитаю» (АЛФ, Тихманьга, каргоп. ЕЛМ).

Из слов ЕЛМ, что отпуск ей нужен «для пользования», можно сделать вывод: она читает *отпуск* не только из любопытства, пусть и не применяет его по прямому назначению. Мы неоднократно сталкивались с такой ситуацией: пастушеский заговор при отсутствии молитвослова выступает как домашняя молитва. Собственно, использование термина *молитва* применительно к *отпуску* весьма распространено и вполне мотивированно: большое количество содержащихся в нем литургических клише («во имя Отца и Сына и Святого Духа», «во веки веков, аминь», обращение к Господу и др.) и имен святых способствуют этому восприятию. Ср. «Есть [отпуска] божественные. Кто лесом пасёт. Лесом пасут, так тот лесной. Этот не божественный. А божественный, дак он Господом Богом делает, молитвами. Он такую молитву прочитает» (АЛФ, Тихманьга, каргоп. САИ). Любая молитва (пусть и для скота) в таком контексте может быть просто молитвой, то есть текстом, который можно использовать не только по узкому назначению.

Таким образом, третий пример не противоречит ни первым двум (молитва vs заговор; оберег vs пастушеский текст), ни ситуации, в которой заговор был найден (неспрятанным, но лежащим на открытом месте). Все три случая крайне похожи друг на друга: во всех них список молитвы/заговора лежит открыто, на самом видном месте, в середине жилой части дома, примерно под матицей. Во втором случае – непосредственно на столике, где прежде стояли иконы, в других – просто на столике. Нет сомнения, что эти листы не забыты хозяевами, но специально выложены так, чтобы их было видно или чтобы они не смешались с оставшимися в доме старыми письмами, записями, газетами, тетрадями, квитанциями – ворохом бумаг, которые не берут с собой, уезжая надолго или насовсем. Важно также, что хозяева или точно знали, что оставляют дом навсегда, или не предполагали, что вскорости вернуться: из домов было вывезено все нужное (возможно, впрочем, что оставшиеся вещи были растащены не уехавшими соседями или приезжими ворами).

Три примера объединяет несколько важных, на наш взгляд, черт: 1. дома оставлены насовсем или очень надолго³; 2. в доме на видном месте оставлен записанный от руки на бумаге текст сакрального характера, содержащий характерные для литургических текстов клише (в первом случае помимо «Сна Богородицы» были оставлены и канонические молитвы); 3. все три текста имеют эксплицированную функцию оберега (в третьем случае – оберега скота, но все равно оберега); 4. все эти списки были оставлены в одном и том же месте (с учетом небольшой разницы во внутренней планировке и обстановке домов в северно- и юго-западнорусских регионах) – в центральной части дома (если смотреть вдоль него от входа к фасадной стене), приблизительно в районе матицы, разделяющей дом поперек на две части и служащей символической осью внутридомового пространства [Байбурин 2005, 171–175].

Такое сходство представляется закономерным: тенденция уезжать надолго из деревенского дома возникла относительно недавно и связана с разрушением деревенского социума, с потоками переселенцев, устремившихся из сел в города [Быченко, Шабанов 2012]. Деревенские дома обычно оставляли как дачи, до сих пор фактическое население сел летом возрастает вдвое или более за счет таких «дачников», уехавших работать в город, и их потомков, родившихся в городах. К этой же категории можно отнести пожилых сельских жителей, которые переезжают на зиму к детям в город – в более комфортные условия (уезжать в город на зиму или приезжать в деревню на лето – фактически, одно и то же, но психологически воспринимается людьми по-разному). Таким образом, деревенские дома или на полгода, или на более длительный и неопределенный срок остаются незанятыми, что создает для сельского жителя новую, незнакомую ситуацию, которую необходимо разрешить. Часто, уезжая на зиму, собственники домов больше в них не возвращаются, так что дома формально числятся за ними, но фактически хозяев не имеют.

Одновременно, начиная с конца 1980-х гг., происходит всплеск интереса к эзотерике (см. посвященную этой теме работу [Gołębiowska-Suchorska 2016]), и этот интерес по-прежнему остается актуальными поддерживается множеством изданий – книжных, перио-

---

³ В первом случае ЛСВ говорил, что хозяин дома известен (он с ним в контакте), но стар и вряд ли когда-то еще придет.

дических, сетевых. Так, в северных областях большим спросом пользуется северодвинская газета «Дачная», в которой печатаются описания разнообразных ритуальных действий, заговоры, приметы, предписания, как фольклорные, присылаемые читателями, так и авторского происхождения. Вырезки из газеты нам многократно приходилось встречать у наших информантов в тетрадках с заговорами или просто полезными записями.

Идея держать в доме оберег от воров или потенциальных бед тоже вполне актуальна. Так, в с. Судрома Вельского р-на два информанта продемонстрировали нам тексты таких заговоров, написанные на листочках бумаги. В отличие от ситуаций, о которых речь шла выше, информанты держат такие заговоры не открыто, а в тайном месте, преимущественно у входа в дом. В одном случае сложенный многократно листок был воткнут в щель между бревнами справа от косяка двери, ведущей из сеней в дом, в другом – лежал над дверью, заткнутый за притолоку (в том же месте упомянутый пастух В.И. Вершинин прятал текст своего *отпуска*). У второго информанта еще один заговор от воров хранится в комодке – от него дети случайно оторвали часть. Источники двух из трех – 1-го и 3-го – удалось установить. Для первого текста это заговор от воров из издания [Мороз, Разумовская 1999]⁴, для третьего – заговор, «чтобы дачу не обокрали» из издания [Степанова 2008]⁵. Источник 2-го текста не обнаружен, по структуре он больше других насыщен заимствованиями из фольклорных заговоров, однако, по-видимому, это тоже текст авторского происхождения.

1.

От воров

«Во поле широко, раздольном, там престол стоит, на том престоле сам Господь сидит, цветы цветут, ангелы поют. Ангелы поют и радуются, своих врагов проклинают.

Нет врагам места, нет присеста.

На Милеховом болоте трясина,

вокруг нашего двора, огорода течет огненная река, стоит каменная стена. Пресвятая Богородица, спаси наш дом, огород, нашу семьюнину, нашу животину. Аминь» (АЛФ, Судрома, вельск. КЗВ).

---

⁴ Книга сильно растражирована в интернете, продается электронная версия. Цит. по онлайн-ресурсу: <https://esoterics.wikireading.ru/69632>.

⁵ Цит. по онлайн-ресурсу: <https://esoterics.wikireading.ru/253>.

2.

Молитва

В нашем доме есть стол престол На столе стоит Иисус Христос с тремя Ангелами, с тремя хранителями и с тремя Апостолами. Колдун придет – не испортит, вор придет – не украдет, разбойник придет – не убьет. На них придет страх, глухота, дремота, слепость. Апостол у Петра спрашивай, что с ними делать? Огради их крутыми горами, огневой рекой и горячей смолой, чтобы не зайти ко мне рабе божьей Галине домой.

Аминь. Аминь. Аминь (АЛФ, Судрома, вельск. КЗВ).

3.

[Иди, вор-враг, не в дом, а в]⁶ овраг. [Иди мимо дома, не моим] путем, не моим шагом, не моей дорогой, не к моему порогу, не к моему замку. Рука тебя твоя, вор, подведет. Ангел-хранитель твой, вор, подведет [в оригинале – отойдет], если в дом мой войдешь, свою погибель найдешь. Аминь (АЛФ, Судрома, вельск. ГИП).

Примечательно, что оба информанта, использующие заговоры/молитвы для защиты дома, – дачницы, они приезжают в Судрому только на лето. Хочется предположить, что, уезжая, они выкладывают листочки с заговорами на видное место – стол или буфет, – однако интервью с ними было взято за 6–8 лет до обнаружения нами этого обычая, и потому этот вопрос задан не был.

Предположительное формирование новой традиции, обусловленное меняющимися социальными условиями и новой ролью деревенского дома – как временного жилища – не только стало возможным в связи с новыми социальными условиями, но и было подготовлено имеющимся уже арсеналом магических или символических инструментов: наличие текстов, которые бы можно было использовать для охраны дома, распространение рукописных списков оберегов, символическое восприятие внутридомового пространства.

Вместе с тем остается несколько невыясненных моментов. Так, не до конца ясно, почему молитва оставлена в не просто брошенном, а *сданном*, то есть проданном государству доме (уже говорилось, что дом с молитвой в д. Шурубовка был сдан по программе расселения зоны загрязнения в результате чернобыльской аварии). Очевидно, что хозяева отнюдь не планировали когда-либо в него вернуться.

---

⁶ Поврежденный текст восстанавливается по оригиналу: <https://esoterics.wikireading.ru/253>.

Можно дать ответ с точки зрения психологии деревенского жителя, который в любом случае эмоционально к дому привязан. Так, многие наши информанты из этих мест называли эти дома по именам бывших владельцев. Однако такое объяснение недостаточно ввиду его неverifiedируемости.

Непонятно также, насколько описанная традиция распространена и отрефлектирована. Следовало бы попробовать взять на эту тему интервью у живущих, но уезжающих надолго из своих домов сельских жителей или у горожан, выехавших из деревень навсегда. Такая работа пока не была проведена и имеет открытую перспективу.

Список информантов

- ГИП – Попова Галина Ивановна, 1939 г.р., живет в Вельске, в с. Судрома приезжает на лето
ЕЛМ – Микшина Евдокия Лаврентьевна, 1918 г.р., с. Тихманьга
КЗВ – Кудрина Зинаида Васильевна, 1939 г.р., живет в Архангельске, в с. Судрома приезжает на лето
МВА – Махина Валентина Александровна, 1943 г.р., с. Долматово
САИ – Слотина Анна Ивановна, 1924 г.р., с. Тихманьга

Литература и источники

- АЛФ – Архив лаборатории фольклористики РГГУ.
Быченко, Шабанов 2012 – *Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л.* Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 136–142.
Байбурин 2005 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.
Веселовский 1876 – *Веселовский А.Н.* Опыты по истории развития Христианской легенды. III. Сон Богородицы и сводные редакции эпистолии // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXIV. С. 341–363.
Гуляева 1986 – *Гуляева Л.П.* Пастушеская обрядность на реке Паше (традиция и современность) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. Л., 1986. С. 172–180.
Дурасов 1989 – *Дурасов Г.П.* Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополя в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт / [Отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова]. М., 1989. С. 265–282.

- Клюйкова 2014 – *Клюйкова Е.А.* «Сон Богородицы»: бытование в микролокальной традиции // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции, 15 апреля 2014 года / [Отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова]. Пермь, 2014. С. 223–228.
- Криничная 1986 – *Криничная Н.А.* О сакральной функции пастушьей трубы (по материалам северных пастушеских обрядов) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. Л., 1986. С. 181–189.
- Левкиевская 2004 – *Левкиевская Е.Е.* Славянский вербальный оберег. Семантика и структура. М., 2004.
- Мороз 2001 – *Мороз А.Б.* Севернорусские пастушеские отпуски и магия первого выгона скота у славян // Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы / [Ред. кол.: А.А. Плотникова (отв. ред.) и др.] М., 2001. С. 232–258.
- Морок, Разумовская 1999 – *Морок А., Разумовская К.* Талисманы, амулеты, обереги. М., 1999.
- Русские заговоры 1998 – Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций Московского государственного университета 1953–1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998.
- Русские заговоры 2010 – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, комм. А.Л. Топоркова. М., 2010.
- Степанова 2008 – *Степанова Н.И.* Заговоры сибирской целительницы. Вып. 4. М., 2008.
- ФАВШЭ – Фольклорный архив НИУ ВШЭ.
- Gołębiewska-Suchorska 2016 – *Gołębiewska-Suchorska A.* Od znachorki do autorki. Rosyjska tradycja znachorska we współczesnych poradnikach magicznych. Bydgoszcz, 2016.

Prayer in an abandoned house: new apotropeic practices?

Andrey Moroz

(National Research University Higher School of Economics,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

Professor, doctor, ORCID: 0000-0002-5164-8080

School of Philology, National Research University Higher School of Economics
Staraya Basmannaya str. 21/4, Moscow, 101000, Russia

Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

abmoroz@yandex.ru

Summary: The article presents the author's observations on the relatively little-known practice of ritual and magical protection of the house left by its owners, from unwanted visitors, thieves, fire, etc. In the middle of a house manuscripts of prayers or texts of other genres that are related to prayers, apparently, from thieves are being left. These manuscripts are placed in an open space on the furniture left in the house, for example, on a table or a closet, and, probably, should be noticed by unexpected visitors. This is not exclusively a special prayer, but any prayer text of any origin (literary or folkloric), and also not exactly prayers, but charms as well, which in the folklore genre nomenclature are also called prayers and are not always separated from the genuine prayers. An observation was made after the inspection of a number of abandoned houses, as well as in a situation where the informant showed an abandoned village and commented on what he saw. The described method of protection is similar to another one - when a charm of a prayer from thieves is hidden in an inconspicuous and unknown place in the hope that a house left unattended will not be robbed. The practice has arisen recently in connection with the consequences of the migration of the rural population to the cities when village houses are left empty.

Keywords: *Prayer, conspiracy, charm, house, magical practices, social processes in the village*

References:

- Anikin, V.P. ed. 1998. *Russkie zagovory i zaklinaniia. Materialy fol'klornykh ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 1953–1993 gg.* Moscow. Archive of Laboratory of Folklore Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow).
- Baiburin, A.K. 2005. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian.* Moscow.
- Bychenko, Yu.G., and V.L. Shabanov. 2012. Sovremennaia migratsiia sel'skogo naseleniia: osobennosti, napravleniia, posledstviia. *Vestnik Sratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no ekonomicheskogo universiteta* 2: 136–142.
- Durasov, G.P. 1989. Obriady, sviazannye s obikhodom skota v sel'skoi obshchine Kargopol'ia v XIX – nachale XX v. In *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt*, edited by M.M. Gromyko, T.A. Listova, 265–282. Moscow.
- Folklore archive of National Research University Higher School of Economics.
- Guliaeva, L.P. 1986. Pastusheskaia obriadnost' na reke Pashe (traditsiia i sovremennost'). In *Russkii Sever: Problemy etnokul'turnoi istorii, etnografii, fol'kloristiki*, edited by T.A. Bernshtam and K.V. Chistov, 172–180. Leningrad.
- Klyuikova, E.A. 2014. "Son Bogoroditsy": bytovanie v mikrolokal'noi traditsii. In *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei: Materialy II Vserossiiskoi*

- (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, 15 apreliia 2014 goda, edited by N.V. Solovyeva, I.I. Rusinova, 223–228. Perm.
- Krinichnaya, N.A. 1986. O sakral'noi funktsii pastush'ei truby (po materialam severnykh pastusheskikh obriadov). In *Russkii Sever: Problemy etnokul'turnoi istorii, etnografii, fol'kloristiki*, edited by T.A. Bernshtam and K.V. Chistov, 181–189. Leningrad.
- Levkievskaya, E.E. 2004. *Slavianskii verbal'nyi obereg. Semantika i struktura*. Moscow.
- Morok, A., Razumovskaia, K. 1999. *Talismany, amulety, oberegi*. Moscow.
- Moroz, A.B. 2001. Severnorusskie pastusheskie otpuska i magiia pervogo vygonas kota u slavian. In *Vostochnoslavianskii etnolingvisticheskii sbornik: Issledovaniia i materialy*, edited by A.A. Plotnikova et al., 232–258. Moscow.
- Stepanova, N.I. 2008. *Zagovory sibirskoi tselitel'nitsy*. Vol. 4. Moscow.
- Toporkov, A.L., ed., compl., comment. 2010. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v.* Moscow.
- Veselovsky, A.N. 1876. Opyt po istorii razvitiia Khristianskoi legendy. III. Son Bogoroditsy i svodnye redaktsii epistolii. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 184: 341–363.